

У Цяо Е никогда не было только одной подработки.

Днём, когда между занятиями выпадало свободное время, он носил тарелки и протираал столы в закусочной за задними воротами университета. С наступлением ночи садился на подержанный электроскутер, купленный за двести юаней, цеплял термосумку и развозил еду по всему городу. По выходным соглашался на любые уроки, которые удавалось найти, как бы далеко ни приходилось ехать. Он не раз и не два тщательно подсчитывал всё на черновике: сложить эти мелкие заработки, добавить с трудом полученную стипендию — и как раз хватит, чтобы в этом чужом и дорогом городе содержать себя хотя бы без полного унижения.

«Хотя бы» ему было достаточно. На большее он никогда и не рассчитывал.

В тот день он крутился без остановки с шести утра. В обеденный час в закусочной было не протолкнуться, вечером пришли ещё три стола капризных гостей. Целый день он лавировал между дымом кухни и человеческим гулом с подносом в руках; поясницу ломило так, что трудно было разогнуться, а тыльную сторону правой кисти дважды обожгла раскалённая посуда — на коже остались красные, жгучие пятна. Доставить последний заказ — и можно будет ехать в общежитие, откусить пару кусков от оставшейся с утра и давно затвердевшей паровой булочки, распластаться на жёсткой кровати и отключиться насмерть.

Так он жил все восемнадцать лет и давно привык до какого-то онемения. Уставал — конечно. Но никогда не считал такую жизнь постыдной. Заработать на еду собственными руками — от этого спина у него была прямее, чем у многих. По-настоящему заставляло опускать голову совсем другое.

В ту ночь погода решила добить его и зарядил мелкий бесконечный дождь. Цяо Е накинул полупрозрачный пластиковый дождевик, стоивший какие-то жалкие десятки юаней, и повёз последний заказ в дорогой жилой комплекс на востоке города — в район, где он обычно даже проезжал редко.

Дождь был не сильный, зато дорога скользкая, а корпуса стояли запутанно. Среди одинаковых аккуратных зданий он долго кружил, наступая то в лужи, то на мокрую плитку, пока наконец не нашёл нужный подъезд. Половина одежды уже промокла насквозь, он запыхался, добежал до входа с пакетом еды, поднял голову — и застыл на месте.

Под тёпло-жёлтым светом козырька стоял Пэй Цзюэ.

На нём не было привычной университетской белой рубашки, выглаженной без единой складки. Вместо неё — простой тёмный свитер. Из-за домашней одежды в нём стало меньше той колючей отстранённости, которой он обычно окружал себя на занятиях, но всё равно он выглядел чистым и прямым, идеально вписываясь в этот дорогой и ухоженный ночной пейзаж, словно с самого рождения должен был жить именно в таких местах.

Он явно тоже не ожидал встретить Цяо Е здесь и сейчас. В холодных глазах промелькнуло удивление; взгляд на мгновение задержался на жалком пластиковом дождевике, на

промокнутой фигуре и термосумке, с которой стекала вода.

Всего одно мгновение — а Цяо Е почувствовал, как кровь с гулом ударила в лицо.

Больше всего на свете он не хотел, чтобы кто-либо видел его таким — бедным, мокрым, растрёпанным. И надо же было именно этому человеку застать его в таком виде.

— ...Твоя доставка, — жёстко сказал Цяо Е и протянул пакет. Хотелось бросить его в руки получателю и тут же уйти.

Пэй Цзюэ не потянулся за пакетом.

Он смотрел на Цяо Е молча секунды две, а потом всё тем же спокойным голосом сказал:

— Тебе не обязательно так себя загонять.

Рука Цяо Е с пакетом застыла.

— У факультета есть специальные пособия для студентов в трудном положении, — продолжил Пэй Цзюэ, будто говорил о самой обычной вещи. — С твоими оценками получить такое будет несложно. А если всё равно не хватит... — Он сделал паузу, словно подбирая слова. — Это всего лишь деньги. Я могу...

— Замолчи.

Цяо Е не дал закончить.

Два слова вышли сквозь зубы — негромко, но жёстко. Он резко поднял голову. Дождевая вода стекала с подбородка, а в глазах горел огонь, который не смог бы залить никакой ливень.

— Пэй Цзюэ, — произнёс он по слогам, вдавливая каждый звук. — Да, я, Цяо Е, бедный. Но я умею быть бедным и не нуждаюсь в чужой жалости. Деньги, которые я сам зарабатываю по монете, жгут руки, зато они чистые. Чище твоей подачи сверху вниз.

Когда он говорил это, в голове вдруг всплыло воспоминание многолетней давности.

Тоже был аккуратно одетый человек с прямой спиной. Стоя сверху, он бросил: «Таким семьям, как ваша, лучше рано понять своё место. Каких успехов вы вообще можете добиться?» — а потом отвернулся и ушёл, даже не удостоив их нормальным взглядом. Цяо Е никогда никому об этом не рассказывал, но слова были похожи на раскалённое клеймо: много лет назад они обожгли самое мягкое место в его сердце и оставили шрам, который уже не исчезнет.

Поэтому «жалость» и «подачка» были двумя вещами, которых он не переносил больше всего. Даже если тот, кто говорил, на самом деле вовсе не это имел в виду.

Под светом у входа они молча стояли друг напротив друга. Дождь громко шумел вокруг, и от этого всё остальное казалось ещё тише.

Привычная невозмутимость Пэй Цзюэ, казавшаяся непоколебимой, впервые дала тонкую трещину. Он явно не ожидал такой яростной реакции. Брови сильно сдвинулись, он открыл рот, словно хотел объяснить, но колючая, упрямая фигура Цяо Е, не оставлявшая ни единой щели для разговора, заставила снова промолчать.

— Я не хотел тебя жалеть, — спустя долгое время негромко сказал он. Голос стал мягче.

— Тогда лучше закрой рот, — Цяо Е с силой сунул пакет ему в руки и развернулся. — Деньги я получил, заказ доставил. До свидания.

За несколько шагов он добрался до электроскутера, сел, не оглядываясь выкрутил ручку и рванул в густую завесу дождя. Колёса прошлись по лужам, разбрасывая вокруг неловкие и упрямые веера воды.

Ветер швырял дождевые капли прямо в лицо — холодно и больно. Цяо Е гнал слишком быстро, а в груди становилось всё теснее, будто невидимая рука сжала сердце изнутри и сколько ни пытайся — не отпускает.

Дождь усиливался. Неон города расплылся перед глазами дрожащими пятнами. На красном светофоре Цяо Е затормозил, опёрся на руль и тяжело задышал, грудь ходила ходуном. Он посмотрел на свои покрасневшие от холода руки, в складках между пальцами стояла дождевая вода, и вдруг сам не понял почему вспомнил руки Пэй Цзюэ — всегда чистые, устойчивые, без единой дрожи.

Такие же две руки. Когда-нибудь они будут держать такие же хирургические инструменты. Но хозяев этих рук судьба с самого рождения поставила в двух местах, разделённых такой пропастью, что им будто никогда не сойтись. Эта мысль оказалась холоднее дождя.

Цяо Е понимал, что только что перегнул палку.

Фразу Пэй Цзюэ «я не хотел тебя жалеть» он на самом деле услышал до последнего слова. Но чем яснее он это понимал, тем сильнее становилось странное кислое, давящее чувство, которому некуда было деться. Бедность и усталость никогда не были его главным страхом. Страшнее всего было стоять перед этим человеком и на фоне его спокойной уверенности выглядеть таким маленьким, таким жалким, таким абсолютно ничего не имеющим.

Он сильно моргнул, прогоняя воду из глаз, и одним резким движением стёр с лица и дождь, и

непонятные эмоции.

Тёпло-жёлтый свет за спиной оставался всё дальше и наконец полностью растворился в ночи.

Цяо Е ни разу не обернулся, поэтому не увидел, что Пэй Цзюэ всё это время стоял на том же месте, держа в руках ещё тёплый пакет с едой, и очень, очень долго смотрел туда, где его фигура исчезла в дожде.

<http://bllate.org/book/21871/2271006>